

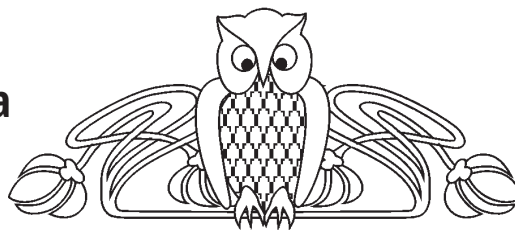

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 139–143
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 139–143
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-139-143>

Научная статья
УДК [1:316]+111.32

Эвентуальность философии человека в обществе риска

О. М. Ломако

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Аннотация. Статья посвящена анализу эвентуальности философии в обществе риска через антропологическое рассмотрение понятий «неопределённость», «возможность», «непредсказуемость», «бесконечность». Основная трудность в исследовании риска заключается в том, что он находится между рациональным и иррациональным, между определенностью и неопределенностью, между возможностью и действительностью. Речь идет о необходимости философской концептуализации понятий, поскольку отношения дефиниций выступают как социальные и антропологические отношения. Определяется эвентуальность философии риска в ее семантическом и темпоральном измерениях. Рассматривается единство понятий эвентуальности, риска, общества и времени в их социально-исторической трансформации. Риск и время оказываются неразрывно связанными феноменами, что предполагает наряду с изучением семантики риска анализ семантики времени. Выявляется парадоксальная сущность риска. Она носит темпоральный характер и определяется как предвидение непредсказуемого и рефлексивность неизвестного. В риске происходит разрыв континуума рациональности. Методологической основой статьи послужили социально-философский, философско-антропологический, рискологический и историко-философский подходы к исследованию проблемы человека в обществе риска. Формулируется вывод о том, что эвентуальность философии человека раскрывается через рефлексивность времени, которое в обществе риска становится допустимой опасностью темпоральной негативности возможного – в действии и в мышлении.

Ключевые слова: социальная философия, философская антропология, эвентуальность, общество риска, мировое общество риска, семантика риска, семантика времени, вероятность, возможность, неопределенность, бесконечность

Для цитирования: Ломако О. М. Эвентуальность философии человека в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 139–143. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-139-143>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The eventuality of human philosophy in the risk society

О. М. Lomako

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga M. Lomako, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the eventuality of philosophy in the risk society through the anthropological consideration of the concepts of uncertainty, possibility, unpredictability, infinity. The main difficulty in risk analysis is that risk lies between rational and irrational, between certainty and uncertainty, between possibility and reality. **Theoretical analysis.** We are talking about the need for philosophical conceptualization of concepts, since the relations of definitions act as social and anthropological relations. The eventuality of the philosophy of risk in its semantic and temporal dimensions is analyzed. The unity of the concepts of eventuality, risk, society and time in their socio-historical transformation is considered. Risk and time are inextricably linked phenomena, which implies, along with the consideration of the semantics of risk, the analysis of the semantics of time. The paradoxical nature of risk is revealed. It has a temporal character and is defined as the foresight of the unpredictable and the reflexivity of the unknown. In risk there is a break in the continuum of rationality. The methodological basis of the article is socio-philosophical, philosophical-anthropological, riskological and historical-philosophical approaches to the study of the problem of a person in the risk society. **Conclusions.** It is concluded that the eventuality of human philosophy is revealed through the reflexivity of time, which in the risk society becomes an acceptable danger of temporal negativity of the possible – in action and in thinking.

Keywords: social philosophy, philosophical anthropology, eventuality, risk society, world risk society, risk semantics, time semantics, probability, possibility, uncertainty, infinity

For citation: Lomako O. M. The eventuality of human philosophy in the risk society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 139–143 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-139-143>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современное состояние общества вызывает необходимость изучения сложных процессов, происходящих во всех сферах нашей жизни и существенно изменяющих все ее составляющие. После индустриального и постиндустриального этапов развития общество трансформируется в «общество риска». При этом постоянное производство рисков, являясь неизбежным следствием цивилизационного процесса, становится вполне легитимным. В XX–XXI вв. усиливается внимание к осмыслению возможностей бытия человека в обществе риска в его самых различных измерениях и аспектах, включая такой аспект, как эвентуальность.

Риск изначально понимался как опасность, которая ассоциировалась с понятиями «решение», «неопределенность», «случайность», «вероятность (шанс)». Понятие «эвентуальность» также обладает большим семантическим объемом и содержит целый веер значений. Эвентуальность – допустимость, вероятностность, возможность. В свою очередь, вероятностность раскрывается через понятия «вероятность», «случайность», «непредсказуемость».

Вполне очевидно, что по самой своей сути человек – существо рискующее. Декартовское «*cogito ergo sum*» предполагает собой «*risiko ergo sum*». Я рискую, следовательно, существую. И, если я существую, стало быть, рискую. Само существование человека становится риском. Можно добавить, что человек есть существо эвентуальное. Так, *человек-риск-эвентуальность* оказываются связанными в один семантический ряд, что вызывает необходимость анализа эвентуальности философии в обществе риска через антропологическое рассмотрение понятий «неопределенность», «вероятность», «возможность», «непредсказуемость», «бесконечность».

Эвентуальность философии риска в ее семантическом измерении

Согласно концепции У. Бека, социально-историческую трансформацию риска можно представить как основные этапы его развития: риск – общество риска – мировое общество риска [1, с. 19].

Рассмотрение зарождения рисков в мировосприятии человека предполагает анализ социально-исторической трансформации семантики риска, которая в процессе модернизации меняет свой содержательный характер. Логика риска предполагает его иронию, которая заключается в необходимости предвидения непредсказуемого. Иными словами, «ирония риска заключается в том, что рациональность, т.е. отложенный опыт,

приводя к необходимости оценки рисков по неподходящим масштабам, вынуждает считать риски контролируемыми и просчитываемыми, в то время как катастрофы постоянно случаются в ситуациях, о которых мы не имеем никаких знаний и которые не можем предвидеть» [2, с. 267].

Поскольку в рисках речь идет о возможных событиях, которые могут наступить, но в то же время не являются необходимостью, им в значительной мере присуща ирреальность. Риски представляют собой социальные конструкции и дефиниции в структуре соответствующих отношений власти. Они существуют в форме знания, как научного, так и альтернативного – внеаучного. Следовательно, их реальность может быть как драматизирована, так и минимизирована. Она может быть изменена и вообще ложно представлена соответственно нормам, по которым решается вопрос о знании и незнании. Другими словами, риски являются продуктами борьбы за определения (дефиниции) и конфликтов дефиниций в рамках определенных отношений, т. е. результатами инсценировки. Речь идет о необходимости философской концептуализации понятий, поскольку отношения дефиниций выступают в конечном итоге как отношения господства и власти. Возникает новая семантика рискогенности, поскольку методы калькуляции и институциональной обработки рисков становятся невозможными. В самом широком смысле слова семантика предполагает анализ отношения между языковыми выражениями и миром, как воображаемым, так и реальным. Анализ семантики времени в своей «Социологии риска» (глава «Будущее как риск») Н. Луман начинает с выявления различий в восприятии и осмыслении времени: «Поскольку все представления о времени требуют различий – будь это первичное различие как “до” и “после” – можно предположить, что время существует в парадоксальной форме одновременности неодновременного... Речь идет лишь о различительных формах развертывания парадоксальности, которая в последней инстанции есть не что иное, как парадоксальность единства и двойственности времени» [3, с. 45].

При этом формы, в которых разворачивается парадоксальность времени, не могут быть выбраны произвольно, а должны координировать семантику времени с общественными структурами. Это то самое теоретическое основание, которое приводит нас к выводу о том, что современное общество представляет будущее как риск. При переходе к модерну, точнее, во второй половине XVIII в. темпоральные структуры существенно изменились. Это изменение проявилось в том, что в Новое время семантика вре-

мени отражает, во-первых, различие прошлого и будущего и, во-вторых, выражает адаптацию этой семантики к изменившимся общественным структурам. Это вовсе не значит, что различие прошлого и настоящего было найдено только в Новое время и что понятие будущего возникло только теперь. Но при всех различиях очевидным становится созвучие представлений о времени с одновременно происходящей трансформацией общественных структур. Очевидно, что изменения в семантике времени имеют отчасти отношение к книгопечатанию и к дифференциации многочисленных социальных функциональных систем. Именно во второй половине XVIII в. время само становится рефлексивным, что было инициировано новым интересом к истории. Настоящее стало пониматься как точка отсчета, как центр времени. Тем самым при оценке риска с помощью разделения на прошлое и будущее настоящее становится неким «слепым пятном» наблюдения и оценки рисков.

Эвентуальность философии риска в темпоральном осмыслении бытия человека

История представлений о рисках всегда есть история представлений о будущем, которое не поддается рациональному расчету. Как невозможно узнать заранее будущее, точно так же нельзя адекватно описать современное общество в его многообразии, во всей сложности его структурных новаций. Отсюда следует своеобразный симбиоз будущего и общества. Речь идет об определенных неопределенностях относительно темпорального и социального измерений. Стало быть, делает вывод Н. Луман, будущее может восприниматься только в медиуме вероятности, как нечто более или менее вероятное или вовсе невероятное. Для настоящего это значит: никто не может использовать знание будущего или возможности его предвидения. В социальной совместной жизни пришлось отказаться от такого авторитарного утверждения. Правда, в XIX–XX вв. еще пытались связать этот симбиоз темпорального и социального измерений и таким образом гарантировать социальный порядок и возможность предвидения – через планирование или эволюцию, диалектически или юридически, революционно или реформистски. Единство мира XIX и отчасти XX в. лежало в альянсе темпорального и социального измерений, посредством которого извлекалась обоюдная польза и выявлялись возможности их рационального сопряжения. Однако именно в социальном измерении никакая калькуляция себя не оправдала. В конце XX в. возникает вопрос: это все еще наш мир? Можно ли так жить дальше? [3, с. 57–58].

Возможно, представление о структуре времени как о единстве прошлого, настоящего и будущего может считаться самым надежным. Это структура, которую можно описать терминами «событийность», «конечность», «бесконечность», «повторяемость», «длительность», «пауза», «парцелляция», «ритм», «темп». Однако надежное тоже может оказаться обманчивым или, по меньшей мере, не исчерпывающим. Вместо того чтобы понимать время онтологически: что *есть* время, что *было*, что *возможно*, – мы, как правило, понимаем время структурированно.

В каждой культуре и в каждом обществе предпринимались попытки разделить бесконечное время на маленькие отрезки, легко понимаемые «порции». И вдруг происходит нечто другое, противоположное. Сроки и горизонты времени теряются в эпоху модерна. Возникают вневременные пространства, которые превращаются в бесчисленные множества пространств бесконечного времени. Тем самым нетленность перестает принадлежать богам. Бесконечность времени есть то новое, что отличает эпоху модерна от всех предыдущих эпох [4, с. 141].

Понятие «модерн» неизбежно связано с понятием «цейтнот» (острая нехватка времени). Цейтнот стал повсеместным и обычным явлением. Возникает специфический континуум авторитарно настроенных режимов времени. Военные и монастырские режимы времени внедряются на предприятиях, в тюрьмах, школах, в армии, в частной жизни. Их целью объявляется эффективное использование времени. М. Фуко описывает производство абсолютно полезного времени как часть стратегии господства и власти. Н. Луман, напротив, не нуждается для объяснения времени в «воле к власти», полагая, что организация работы привносит это с собой [5, с. 11], поскольку отличие эпохи предмодерна от модерна заключается в способе контроля и эффективности использования времени тем, чем «наполнено» время. Жизнь в армии, монастыре, школе и тюрьме – рутина, поэтому затраты времени в тех условиях строго регламентированы. В модерне, напротив, это темпоральные процессы – исследования, размышления, коммуникации, процессы заключения договоров и соглашений – временные затраты которых заранее неизвестны. Именно тогда возникает нехватка времени, цейтнот. Он рождается из незнания вопроса: за какой определенный период времени может быть выполнено желаемое.

Н. Луман рассматривал время как медиум управления непредвиденными обстоятельствами (Kontingenzbewältigung). Благодаря ему понятие «непредвиденные обстоятельства» (Kontingenz) стало осознаваться как центральный вопрос

чувства жизни в позднем модерне. Он говорит о «материальном измерении» и «социальном измерении» каждой задачи, которые состоят в отношении со временем. В модерне возникает принципиально бесконечное материальное измерение (никто всего не прочитал, никто всего не просчитал, никто всего не передумал) и бесконечное социальное измерение. Цейтнот возникает из этой бесконечности.

Одна из теорий современного цейтнота – дромология – основана на идее, согласно которой ускорение техники, как это происходит в транспорте, производстве, коммуникации, непосредственно проецируется на ускорение жизни (Поль Верильо). Чем быстрее передвигаются автомобили, поезда, самолеты, чем быстрее происходит передача информации, тем более стремительным должно быть человеческое бытие и тем выше его цейтнот. Однако двигаются аппараты, а человек находится в это время в состоянии покоя. Мобильная связь не гарантирует ускорения самой жизни. Нет и не может быть тождества между технической скоростью и скоростью человеческого бытия. Человек и техника – не одно и то же. Цейтнот стал повсеместным и обычным явлением. Уже наблюдения Н. Лумана показывают, что формула «скорость порождает скорость», так же как формула «только зло порождает зло» – слишком проста. Как зло часто происходит из добра, так и цейтнот, по мнению Н. Лумана, довольно часто рождается из медлительности, а не из скорости, не от темпорального сокращения процессов, а, напротив, из их небывалого *продлевания*.

Модерн – эпоха бесконечного размышления, бесконечного дискутирования, бесконечного улучшения и бесконечного отодвигания, бесконечной отсрочки, которые ограничивают пространство возможностей на пути времени [4, с. 67].

В этом отношении модерн является самой медленной эпохой в человеческой истории. Постоянное ожидание чего-то – какой-либо идеи, результата переговоров или соглашений, бюрократической обработки, результата исследования, перепроверки результата исследования, конца обучения, личностного развития. При этом все, что продлевается, сопровождается неопределенностью и непредсказуемостью.

К опыту темпорального продлевания относится также проблема бесконечности возможного. Уже потому, что человек вынужден реализовывать больше возможностей, возникает цейтнот. При этом совсем не обязательно возникает «ускорение» жизни. У человека, находящегося во времени, лишенном структуры, вместо временных горизонтов появляются временные возможности,

временные расписания дня, возможные недели, месяцы, дни. Если цейтнот – необходимость, то временная неопределенность – возможность. Человек, находясь в своей действительности в состоянии бездеятельности, пассивности, попадает постепенно в горизонт бесконечных нереализованных возможностей [4, с. 228–229].

Ситуацию можно скорее назвать рискованно двойственной: одновременно существуют спешка и ничегонеделание (безделие). В мире неограниченных возможностей отдельный индивид не имеет больше никаких объективных границ. Лишь время остается последней объективной границей и тематизируется как время жизни, продолжительность жизни, как сама жизнь, и потому возникает такое чувство, что жизненное время ускользает, уходит напрасно.

Жить в мировом обществе риска, отмечает У. Бек, значит жить в непреодолимом незнании, точнее, одновременно с угрозой и незнанием и возникающими отсюда политическими общественными и моральными парадоксами и дилеммами. Вследствие глобальности угрозы вместе с незнанием возрастают необходимость и потребность принимать решения на грани жизни и смерти. Термин «общество знаний» У. Бек называет «эвфемизмом первого модерна». В мировом обществе риска мы имеем дело с «обществом незнания», причем оно не может быть преодолено, как, например, это имело место в предмодерне – большим или лучшим знанием, лучшей наукой, а как раз напротив, создается лучшей и большей наукой. При этом У. Бек особое внимание обращает на то, что он не отождествляет знание и истину и понимает незнание «не в когнитивном смысле философии, теоретической науки или естественных наук, а в смысле социологии, где знание отождествляется с ожиданием» [1, с. 211]. В мировом обществе риска человек не знает, что его ожидает.

Выводы

Анализ эвентуальности философии человека в обществе риска раскрывается через единство двух измерений понимания человеческого бытия – семантического и темпорального. Семантика риска в условиях современности включает в себя тематизацию будущих опасностей, которые часто являются результатом успеха цивилизационного развития. Риск и время оказываются неразрывно связанными феноменами, что предполагает, наряду с рассмотрением семантики риска, анализ семантики времени. В принципе понятие «риск» обозначает будущее, которое нельзя предсказать, даже когда риск, казалось бы, рассчитан. Темпоральная семантика современ-

ности делает возможной рефлексивность, которая не подчиняется больше рациональной калькуляции, что не в последнюю очередь связано с проблемой цейтнота. Она должна учитывать слишком много возможных состояний человека и общества. Тем самым теряется объективный критерий в оценке и предвидении рисков. Таким образом, эвентуальность философии человека раскрывается через рефлексивность времени, которое в обществе риска становится допустимой опасностью темпоральной негативности возможного – в действии и в мышлении.

Список литературы

1. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. 437 S.
2. Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека : логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–269. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
3. Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. Berlin ; New York : De Gruyter, 2003. 252 S.
4. Hillenkamp S. *Negative Moderne*. Stuttgart : Klett-Cotta, 2016. 384 S.
5. Geyer Ch. Niklas Luhmann. *Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten*. Berlin : Kulturverlag Kadmos, 2013. 160 S.

References

1. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit* [World risk society. In search of the lost security]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2015. 437 S.
2. Lomako O. M. World risk society in Ulrich Beck's political philosophy: Logic and irony). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–269 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-265-269>
3. Luhmann N. *Soziologie des Risikos* [The Sociology of Risk]. Berlin, New York, De Gruyter, 2003. 252 S.
4. Hillenkamp S. *Negative Moderne* [Negative Modern]. Stuttgart, Klett-Cotta, 2016. 384 S.
5. Geyer Ch. *Niklas Luhmann. Die Knappheit der Zeit und die Vordringlichkeit des Befristeten* [The Scarcity of Time and the Urgency of the Temporary]. Berlin, Kulturverlag Kadmos, 2013. 160 S.

Поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 13.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 13.02.2022; accepted for publication 25.03.2022